

УДК 7.03; 7:001.12.

Филиппова Ольга Николаевна,
Педагог-психолог, Ассоциация искусствоведов,
г. Москва

ТВОРЧЕСТВО Н.А. ЯРОШЕНКО - ОДНОЙ ИЗ САМЫХ «ТИПИЧНЫХ ФИГУР» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СРЕДЕ КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация. Вынужденный совмещать занятия живописью с военной службой, Ярошенко добился успеха позже, чем его товарищи. Однако с течением времени он стал одной из самых «типичных фигур» в художественной среде того времени.

Ключевые слова. Н.А. Ярошенко, творчество, «типичная фигура» в художественной среде того времени, живопись, военная служба, успех, товарищи, Крамской, ТПХВ, Нестеров.

Николай Александрович Ярошенко родился 1 декабря (13 декабря по новому стилю) 1846 года в Полтаве. Отец его, Александр Михайлович, был военным, дослужившимся до чина генерал-майора. Мать, Любовь Васильевна, также происходила из офицерской семьи. Способности мальчика к рисованию проявились достаточно рано, но никак не повлияли на принятое отцом решение отдать его в военную службу. О несгибаемом характере Александра Михайловича наш герой впоследствии вспоминал: «Честь и служение долгу были для него святыней, перед которой должно было преклоняться все в жизни». Таким образом, по десятому году Николая отдали в Полтавский кадетский корпус. Несмотря на то, что это заведение находилось поблизости от его родного дома, жизнь «кадета Ярошенки» мало отличалась от жизни его товарищей, привезенных из дальних уездов. То же казарменное житье, разве, что родителей можно было навещать почаще. В кадетском корпусе мальчик не оставил занятий рисованием. И немногие, сохранившиеся от этого времени рисунки позволяют сделать вывод, что он делал изрядные успехи. Усидчив и прилежен был будущий художник и в других науках, поэтому, окончив в 1863 году корпус, он безо всяких затруднений поступил в Павловское военное училище в Санкт-Петербурге. Вскоре его перевели в Михайловское артиллерийское училище, где он также шел среди первых учеников. Занятия «художествами» Ярошенко, однако, в это время по-прежнему не оставлял. Сначала он занимался у А.М. Волкова, а чуть позже поступил в вечерние классы Рисовальной школы Общества поощрения художеств, где его наставником стал Иван Николаевич Крамской. В 1867 году, одновременно со «вступлением» в Михайловскую артиллерийскую академию, Ярошенко начинает в качестве вольнослушателя посещать Академию художеств. Следует отметить, что «не отдавался» искусству полностью молодой художник не только из боязни нарушить волю отца. Обладая возвышенной душой, он был в то же время юношей весьма прагматическим и прекрасно понимал, что удачный дебют на живописном поприще еще не обеспечивает успеха. Рассчитывать же на материальную поддержку семьи он не мог. Напротив, предвидел, что в недалеком будущем ему самому придется «лелеять старость» своих родителей. Продвигаться по службе в ущерб искусству наш герой, тем не менее, не хотел. Его жена вспоминала: «От чина полковника Николай Александрович отказывался в течение пяти лет, так, как с этим чином ему предлагали такие места, которые не давали ему возможности заниматься живописью...». Вероятнее, будь Ярошенко несколько смелее и даже не столько смелее, сколько «безогляднее», то уже к концу 1860-х годов художественные критики заговорили бы о нем в полный голос. Но совмещать военную службу с занятиями живописью было не так-то легко, и первые

заслуживающие внимания ярошенковские «пробы кисти» относятся лишь в 1874 году. Этот год вообще стал поворотным в судьбе художника. В начале лета он женился на Марии Павловне Навроотиной, между прочим, бывшей курсистке, затем провел месяц на даче Крамского, а после этого отправился на Кавказ. Лето 1874 года выдалось неласковым. Крамской вспоминал, что едва ли десять солнечных дней можно было насчитать за весь сезон. Дождь лил, как из ведра, и молодая супруга Ярошенко, должно быть провела немало томительных часов на сырой даче Крамского (печи топили каждый день), ожидая своего мужа, в ту пору гвардии штабс-капитана, со службы. Отпуск был положен Ярошенко в конце лета, а пока приходилось почти каждый день ездить в Петербург со станции Сиверская Варшавской железной дороги. Месяц, проведенный на Сиверской, сыграл большую роль в сближении обитателей дачи (Ярошенко уже давно знал Крамского, но столь «долгим» его гостем был впервые). 26 августа, уже после отъезда молодого живописца с женой на Кавказ через Малороссию, чтобы повидаться с родителями, Иван Николаевич писал передвижнику Константину Савицкому: «Жил со мной здесь один месяц Ярошенко Николай Александрович; Вы знаете, офицер, уехал уже полтора месяца в Киев, а парень хороший». Если бы не это письмо, мы бы, возможно, не обратили внимания на самый факт пребывания Ярошенко в гостях у Крамского. Нужно сказать, что наш герой, будучи человеком прямым и честным, в то же время не слишком был расположен распространяться насчет подробностей своей жизни. Так, известно, что он сжигал все письма, которые писались ему, и просил, чтобы его адресаты делали то же самое в отношении его корреспонденции. В силу этой «установки» у нас практически не осталось эпистолярных свидетельств жизни Ярошенко, а ведь письма, вместе с дневниками, являются ценнейшими «человеческими документами», позволяющими достаточно полно восстановить не только биографию, писавшего их, но и атмосферу самой эпохи. Увы, подобной возможности в случае Ярошенко мы практически лишены. Корреспонденты художника, за редким исключением, следовали его воле, уничтожая полученные письма. Но, те из них, что сохранились представляют немалый интерес. Так, чрезвычайно «поучительно» письмо Ярошенко, сохраненное хозяйственным Павлом Михайловичем Третьяковым. В нем мастер объясняет свой взгляд на взаимоотношения живописца с «экономической частью» его ремесла. «По моему положительному убеждению, - пишет он, - художник не должен отступать от цены, раз назначенной, даже в том случае, если он, назначив по ошибке цену слишком высокую, рискует вовсе не продать свою картину. Я не стану затруднять Ваше внимание изложением причин, почему сложилось у меня такое убеждение, - прибавлю только, что, прежде, чем остановиться на определенной цене, я опросил мнение всех знакомых мне художников и окончательно назначил цены - самые низшие из тех, какие мне были заявлены». Еще более безапелляционным и по-военному четким тоном отличаются «диспозиции» художника, писанные им тем, кто сопровождал очередную передвижную выставку: «Со дня открытия в Полтаве Вы продержите там выставку 14 дней; переедите в Елисаветград и тоже будете там держать выставку 14 дней; оттуда поедете в Кишинев и пробудете там с выставкой столько времени, чтобы между 1 и 10 декабря открыть выставку в Одессе. Ко времени приезда вашего в Одессу, я Вам сообщу дальнейший маршрут...». Многие из участников Товариществе передвижных художественных выставок (ТПХВ) вспоминали о «силе характера» Ярошенко и «некотором деспотизме», присущем ему... Впрочем, этот ярошенковский «деспотизм», проявившийся в полной мере после того как он занял после смерти Крамского место «вождя» передвижников, служил, по мнению подавляющего числа его соратников, к укреплению «моральных и идеологических основ Товарищества», а потому воспринимался ими благосклонно. Но некоторый покровительственно-доброжелательный деспотизм в обращении мастера с «товарищами по цеху» все-таки имел место быть. «Мне

сдается, - пишет он Н. Касаткину, приглашая того себе в Кисловодск (дом здесь он приобрел в 1885 году), - что Вы напрасно проводите летнее время по городам, вместо того, чтобы хорошенько отдохнуть и укрепиться физически и морально где-нибудь на лоне природы». Но не только Кисловодский дом Ярошенко был всегда полон гостей, а и его петербургская квартира на Сергиевской улице. Михаил Нестеров, хорошо знавший семью художника, вспоминал, что у него часто бывало до полусотни «посетителей». Некоторые из них гостили по-долгу, и тогда в квартире воцарялся сумбур, работать при котором не было никакой возможности. Однако Николая Александровичу, по свидетельству близких, это более смешило, чем огорчало. В 1892 году мастер вышел в отставку, дослужившись, как и его отец, до чина генерал-майора. За два года до этого врачи заподозрили у него чахотку, и Ярошенко понял, что «пора собираться». Он даже составил завещание, по которому все его картины оставались Марии Павловне. Когда она всегла и во всем желавшая справедливости, попыталась возразить, что часть их необходимо передать его родственникам, художник строго возразил: «Это была не их жизнь, а наша». 25 июня (7 июля по новому стилю) 1898 года Ярошенко умер в Кисловодске. Но не от чахотки, а от паралича сердца, на состояние которого доктора, озабоченные развитием процесса в легких, не обратили внимания. Таким образом, творчество Ярошенко неотделимо от его гражданской позиции. Его кисти принадлежать едва ли не самые характерные, самые типические образы той эпохи, когда художник «не имел права» оставаться в стороне от общественной жизни.

Список литературы:

1. Художественная галерея: еженедельное издание / издатель и учредитель: ООО "Де Агостини". - Москва: Де Агостини, 2007. – №150. – 32 с.
2. Филиппова О.Н. Творчество И.Н. Крамского - великого организатора и крупнейшего теоретика искусства второй половины XIX века // Флагман науки. - №7 (7). Август. - 2023. - С. 32-36.
3. Филиппова О.Н. Товарищество передвижных художественных выставок и Илья Репин // Флагман науки. - №4 (4). Май. - 2023. - С. 80-85.
4. Филиппова О.Н. Портрет в творчестве М.В. Нестерова (1862-1942) // Молодий вчений. – 2018. – № 11 (63). – С. 569-578.
5. Филиппова О.Н. Творчество М.В. Нестерова – последователя В.М. Васнецова // Теория и практика современной науки (г. Одесса, 23-24 ноября 2018). Херсон: Изд-во «Молодий вчений», 2018. С. 78-81.

